

А.С. Столетова

ТЕНЕВЫЕ СТОРОНЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ В ОЦЕНКАХ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ 1960–1980-х гг. (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПИСЕМ В ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269.

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников (писем граждан, предназначавшихся редакциям газет и органам власти) освещается проблематика организации советской торговли в зеркале общественного мнения 1960–1980-х гг. Определены волновавшие население злободневные вопросы. Сделан вывод о том, что диапазон территорий, откуда приходили письма со свидетельствами хищений и перепродаж изделий потребления, отличается масштабностью и всеохватностью.

Ключевые слова: советская торговля; общественное сознание; спекуляция; дефицитные товары; социальная жизнь; экономика

В 1960-е гг. СССР являлся крупнейшим производителем, развивались экономика, промышленность, строительство. Как известно, в 1965 г. была восстановлена традиционная для советской экономики централизованная отраслевая система управления. 30 сентября 1965 г. вышло Постановление «Об улучшении управления промышленностью», а 4 октября 1965 г. – Постановление «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Однако общественное развитие в 1970-е гг. проходило под знаком усиления централизованного управления, свертывания реформ и падения темпов роста основных социально-экономических показателей.

Как отмечал Р.Г. Кирсанов, на протяжении 1970-х гг. торговля в СССР развивалась по остаточному принципу, ввиду этого во многих районах страны наблюдался недостаток продовольствия. Повышение народного благосостояния руководство страны видело в возрастании денежных доходов, развитии жилищного строительства, увеличении производства. Роль товаров народного потребления в удовлетворении платежеспособного спроса населения долгое время игнорировалась. В потребительской сфере возникала дефицитность. Несмотря на принятое во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. повышение розничных цен и принятое в 1981 г. Постановление Совмина СССР и ЦК КПСС «О мерах по увеличению производства товаров первой необходимости в 1981–1985 гг. и более полному удовлетворению спроса населения на эти товары», круг дефицитных товаров расширился. Более того в 1970–1980-е гг. продолжался выпуск не пользовавшегося спросом ассортимента, оседавшего на складах, население не было обеспечено торговыми площадями, приобретала размах проблема качества товарных изделий, а во многих населенных пунктах обозначился товарный голод [1. С. 36–39].

Безусловно, технологическое отставание и дефицит товаров широкого потребления не могли не волновать население. Исследователи экономики и социальной жизни XX в. также обращали внимание на вопросы состояния потребительского рынка. В 1960–1980-е гг. появились издания по изучению явления спекуляции. Это работы Г.И. Вольфмана [2], М.П. Михайлова [3]

Ю.Т. Гладких [4], В.И. Колосовой [5] и др. В 1990–2000-е гг. были опубликованы разноплановые труды. Специфику теневой экономики изучали О.В. Осипенко [6], Г.Р. Семина [7], Ю.В. Латов, С.Н. Ковалев [8] и др. Вопросы фарцовки затрагивали в своих исследованиях Д. Васильев [9], О. Гурова [10], систему функционирования торговли на иностранную валюту описала А.С. Иванова [11], деятельность Государственной торговой инспекции по надзору в сфере советской торговли и проблему защиты потребителей от основных видов торгового обмана охарактеризовала Е.Д. Твердюкова [12]. Историографический анализ современных исследований о существовании криминальной продажи дефицитных товаров в СССР представлен в статье М.А. Клиновой [13]. Отметим, что интерес к заявленной проблематике обоснован. Объем теневой экономики за исследуемый период 1960–1980-х гг. возрос в 18 раз. В особенности страдала сфера материального производства (таблица).

Масштабы теневой экономики в СССР, млрд руб. / год

Показатель	Начало 1960-х гг.	Конец 1980-х гг.
Объем теневой экономики в народном хозяйстве СССР, в том числе:	5	90
<i>Сфера материального производства</i>	2,5	73
Промышленность	0,3	10
Сельское хозяйство (включая колхозы)	0,6	23
Транспорт и связь	0,2	8
Строительство	0,2	12
Торговля и общественное питание	–	17
Материально-техническое снабжение, сбыт и заготовки	1,2	2
<i>Непроизводственная сфера</i>	2,5	17
Жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание населения	1,6	6,7
Здравоохранение, физкультура, социальное обеспечение	0,5	6,2
Народное образование	0,3	1,5
Культура и искусство	–	0,3
Наука и научное обслуживание	–	0,3
Кредитование и государственное страхование	–	0,1
Аппарат органов государственного и хозяйственного управления, органов управления кооперативных и общественных организаций	0,1	1,6

Составлено по: [14 С. 40].

Безусловно, социально-экономические трансформации, вызвавшие эволюцию общественных ценностей, весьма остро отразились в сфере товарооборота. Процессы внедрения спекулятивных и коммерческих схем, обогащения руководящей верхушки и соседствующих с указанными процессами, явлений нарушений трудовой дисциплины, тунеядства, низкой культуры обслуживания, грубости в магазинах, фактов, связанных с перебоями в снабжении, низким качеством продуктов, бедностью ассортимента, а также нарушений в бытовой обустроенности работников торговой сферы нашли отражение в большом числе источников личного происхождения. В настоящей статье эпистолярный комплекс рассматривается как блок документов для изучения картины мира, мировоззрения и ментальности советских граждан периода 1960–1980-х гг.

Одной из первостепенных проблем социальности для населения в рассматриваемый период являлся вопрос укоренения теневых сторон в организации торговли. С целью поддержания социальной стабильности советского общества, информация об уровне и образе жизни номенклатуры и чиновничества держалась в тайне от остальных граждан СССР. Однако факты личной наживы и незаконного дохода в области торговых операций получили широкое освещение в письмах во власть и СМИ. В ряду обоснований написания жалоб нельзя не назвать недостаток внимания со стороны власти к руководству торговлей, нехватку или отсутствие государственного контроля за ходом торговых операций, преступную деятельность руководителей торгового дела [15. С. 386]. Не добившись решения беспокоящих вопросов на местах, трудящиеся, как правило, обращались с письмами в районные, городские, областные комитеты партии, центральные партийные органы или в газеты. «В городе Туле есть небольшая база “Росглавко-опромторга”. Сколько же существует в ней беззаконий. Директор Е.И. Павлов пришел на базу в 1972 г. и сразу занялся подбором своих людей, критику он не любит. Если сотрудники говорят ему правду в глаза, то он всячески решает от них избавиться. Просим, помогите нам, чтобы мы работали на государство, а не у хозяина и не ждали, что завтра нас уберут с работы», – писали работники торгового дела в Тульский обком КПСС в 1974 г. [16. Л. 9–10].

Сообщения о злоупотреблениях должностных лиц зачастую поступали непосредственно в комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Характерный пример – сообщение председателя районного комитета народного контроля г. Кирова В.В. Носакова о деятельности первого секретаря Кировского обкома КПСС Б.Ф. Петухова, датированное 1968 г. В. Носаков информировал: «В городе появились странные личности на руководящей торгово-снабженческой работе – судимые либо снятые за злоупотребления. Вскоре они были разоблачены как мошенники, но как выяснилось позже они были приглашены Петуховым» [17. Л. 6]. Председатель ревизионной комиссии областной партийной организации, заведующий областным финансовым отделом А.С. Милков, указывал: «Петухов любил поддерживать пронырливых и жуликоватых лю-

дей. В 1962 г. он назначил директором горплодо-вошторга М.Г. Чумак, под руководством которого за один сезон заготовок было расхищено овощей и фруктов на сумму свыше 200 тыс. руб.» [17. Л. 6].

Более распространенным способом призыва к действию являлось направление писем в СМИ. Одной из ведущих проблем, с которой столкнулась общественность, являлся вопрос ненадлежащего руководства торговой сетью. Так, в октябре 1970 г. в газету «Советская торговля» поступили сведения о так называемой засоренности кадров в торговых организациях. Приведем характерные примеры. «В наше сельпо назначили нового председателя, который развалил три колхоза. С первого дня работы М.В. Семибаламут сказал так: торговли из под прилавка не будет... Зато весь дефицитный товар стал продавать со склада, а в магазины поступают лишь деньги. Такие товары, как холодильники, шерстяные кофты, аккумуляторы для мотоциклов, крышки для консервирования продает сам лично. Если прежде в магазине можно было заказать и купить пальто, плащ или костюм, то теперь эти товары продаются только по указанию Семибаламута», – писала не указавшая имени продавец из Полтавской области [18. Л. 177]. «В Сылвенском райпо-тербсоюзе Пермского райпотребсоюза Пермской области с марта 1969 г. работает председателем Р.А. Арасланов. С первых дней он проявил себя, как человек, идущий только за своей личной выгодой. Сначала он закупил никому не нужные сети. После этого занялся торговать райкооповскими лошадьми, стал продавать их частным лицам по балансовой стоимости. Дефицитные товары: ковры, холодильники получает сам и сбывает их неизвестно где. Арасланову все сходит с рук, т.к. он пользуется поддержкой заместителя председателя правления облпотребсоюза товарища Кибисева», – информировала оргинструктор Сылвенского райкооп Н. Бурова [18. Л. 178–179]. «Директор универмага Куньинского района Псковской области В.Д. Коретов по сообщению А. Григорьевой брал взятки. «Все товары, поступающие в отделы универмага, продавались с разрешения директора. Кроме этого колбаса и творог продавались по завышенным ценам. Дело на Коретова находится в Куньинской милиции. Но почему-то оно там застряло. Коретов работает и продолжает безобразничать», – писала гражданка А. Григорьева в редакцию «Советской торговли» в 1970 г. [18. Л. 179].

В 1980-е гг. в средства массовой информации продолжали приходить сведения о злоупотреблении служебным положением в сфере торговли. К примеру, в письме за 1980 г. в «Правду» от А.П. Германюк из Краснодарского края сообщалось: «Первый секретарь райкома партии Крючков велел отвезти всех коров на мясокомбинат. Некоторые коровы телились прямо в машинах, но их тоже отправили на убой. Когда это крестьянин позволял резать дойную или стельную корову? Да никогда! А здесь ради рапорта не пощадили ни животных, ни людей. Люди остались без продуктов. Крючков на это ноль внимания. У него в общепите есть специальная комната, где начальство ест-пьет за государственный счет без ограничений» [19. Л. 30–31]. В другом письме от того же года из г. Го-

рячий Ключ Краснодарского края от рабочей группы Суздальского совхоза читаем: «С самого начала своей деятельности второй секретарь горкома партии В. Михайлов стал курировать торговлю и вместе со своим другом Н. Беляковым, заведующим торговделом, обдeldывал всякие делишки. Например, распределял легковые автомобили по выгодным людям. Таким способом было продано более 30 машин. Когда была образована контора “Курортторга”, то Белякова по рекомендации Михайлова сделали управляющим. Он стал собирать дань с завмагов, директоров и щедро делиться со своим патроном» [19. Л. 31]. По указанным фактам, как правило, проводились проверки. Отметим, что в сообщении Краснодарского краевого комитета в ЦК КПСС находим запись: «Бывший управляющий конторой курортторга Н.М. Беляков привлекается к уголовной ответственности за грубые нарушения финансовой дисциплины при продаже легковых автомобилей и взяточничество» [19. Л. 36]. Отсюда следует, что жалобы граждан проверялись, в ряде случаев описанные факты приводили не только к снятию с ответственных постов, но и к уголовной ответственности. Однако в большей части случаев соответствующие комиссии оправдывали обвиняемых.

Товарный дефицит в СССР – явление, присущее советской плановой экономике, когда, несмотря на рост благосостояния, покупатели не могли приобрести товары и услуги ввиду их постоянного недостатка. Продажа и удержание дефицитного товара – одна из самых значимых тем сообщений граждан, параллельно которой описывалась проблема низкого качества продуктов питания (по вине торгующих). Так, в 1967 г. в ЦК КПСС было направлено 6 566 писем о работе организаций и учреждений торговли, общественного питания и бытового обслуживания. В значительном количестве сообщений содержались сведения о недостатках в торговле обувью и товарами широкого потребления. Вносились предложения о расширении борьбы со спекуляцией, особенно в плодово-овощной сфере [17. Л. 32–33]. Письма в «Советскую торговлю» за 1970 г. свидетельствуют о нехватке продовольственных товаров в ряде регионов государства. Приведем выдержки из них. «Живем мы в г. Гагарин Смоленской области, но совестно Вам сообщить, что жители города, носящего имя первого в мире космонавта, едут за 170 км в Москву за товарами повседневного спроса: мылом, солью, спичками, хлебом и булочными изделиями» [18. Л. 102]. Или: «Город Узловая – без овощей. У нас в городе много овощных магазинов и особенно овощных палаток, но они пустуют. Зато на колхозном рынке идет бойкая торговля овощами. Спекулянты из Грузии, Армении, Молдавии, Украины продают втридорога овощи, помидоры по 4–5 руб. за килограмм, огурцы 2–3 руб., редиску – 1–2 руб.», – сообщал житель г. Узловая Тульской области И. Абрамов [18. Л. 102]. Пайщики Ново-Чернеевского сельпо Шацкого района Рязанской области в 1970 г. отмечали: «У нас имеется большая механизированная пекарня. Но от нее нет толку. Хлеб поступает редко, да и то недоброкачественный, а о белом хлебе и говорить нечего: то муки нет, то дрожжей. Кроме того, в магазине сельпо нет

соли. Вот и приходится ездить или пешком ходить за солью по другим селам или в райцентр ездить» [18. Л. 157]. В октябре 1970 г. в редакцию «Советской торговли» поступило много нареканий на отсутствие промышленных товаров. Среди них: посуда, клеенка, обувь, оконное стекло, запасные части для мотоциклов, шапки-ушанки и др. «Лет пять тому назад можно было свободно купить в магазине кастрюлю, кружку, тарелку, электроутюг, мясорубку, т.е. товары, нужные каждой семье. А где это все сейчас? Просто обидно. Пустые прилавки. Обувь одна никудышная. Купишь – на третий день отстает подошва. Я считаю, в первую очередь надо обеспечить свой народ. И бывший солдат, который перемерзал под Сталинградом и на Курской дуге, сейчас должен ходить в хороших ботинках. Вот какие недостатки надо вскрывать в газетах, на пленумах, на заседаниях», – возмущался П. Левицкий из г. Дубны [18. Л. 172–173]. «Не только шапки, но и многие другие вещи не имеет в продаже советская торговля. Спортивные костюмы, резиновые сапоги, клеенки, а если еще и перечислить чего нет из продовольственных товаров, то станет видно, как расходятся слова и дела нашего правительства», – констатировал Б. Швакуляк из г. Ровеньки Ворошиловградской области [18. Л. 173]. «У нас нет затруднений только в отношении спиртных напитков. Водка и вино продаются везде и всюду. Другой раз захочешь напиться газированной воды или выпить какой-нибудь сок и невозможно подойти с ребенком к отделу из-за пьяниц», – сообщала группа жителей г. Новокуйбышевская Куйбышевской области в октябре 1970 г. [18. Л. 175].

Подобные письма о недостатках в организации торговли поступали из г. Абакана Красноярского края, Узбекской ССР, Донбасса, г. Иваново, Ашхабада, Новокузнецка, Переяславля-Залесского Ярославской области, Ташкента и др. Все они направлялись редакцией в областные управления торговли [18. Л. 103, 157–158, 173, 175–176]. Об отсутствии мяса, чая, хлеба, уксуса, растительного масла, колбасы на полках магазинов писали в «Правду» из Казани, Кирова, Белгорода, Саратова, Барнаула, Горького, Рязани, Красноярска, Волгограда, Свердловской, Кемеровской, Кировоградской областей и т.д. [18. Л. 182–183, 184, 187–191]. Из Казани также сообщали: «Мощные рефрижераторы “Межавтотранс”, “Мостранс”, “Минводтранс” или многотонные автомобили прибывают с Кавказа, Молдавии, Украины и привозят в Казань фрукты, овощи и различные продукты. Это или частники, или сомнительные “кооперативы”, которые продают свой товар втридорога и увозят огромные деньги» [18. Л. 183]. Люди свидетельствовали, что привезенные товары нередко становились «проданными» до поступления в продажу [18. Л. 185]. Впечатление о дефиците еще более усиливается при ознакомлении с письмом из Саратова от анонимного лица за 1970 г. в «Правду»: «Саратов стал голодным городом. Здесь нет ни мяса, ни колбас и в магазине и на рынке» [18. Л. 186]. Об отсутствии мяса, колбасы, рыбы в торговых точках писали в 1973 г. в «Правду» граждане из Ленинграда, г. Михайловка Волгоградской области, из Молдавской ССР, Донбасса [20. Л. 159, 161].

Остротой и резкостью отличается письмо в «Правду» за 1973 г. из Ферганы: «Когда бываешь в Москве и Ленинграде, то видишь, что народ там живет хорошо. Но почему это не по всей стране? Сколько можно ждать хорошей жизни? Мы уже забыли, когда у нас в магазине было мясо, а если к великому празднику выбросят, как собакам, то очередь на два квартала. А вот обкомовским и облисполкомовским привозят и продают в закрытых магазинах все, что их душе желательно. А на базаре нашли себе кормушку спекулянтты, – сидят и держат на все цены. Яблоки гниют, да и другие фрукты, но они цену держат, и никому до этого дела нет. Все это правда и она наболела у простого народа. Вы послушайте в автобусах, да и вообще, народную массу» [20. Л. 155].

По всей видимости, проблемы со снабжением территорий усложнялись и ширились, что вызывало резкое негативное отношение граждан. Исходя из подборки писем в «Правду» за 1973 г. к этому времени наблюдались большие перебои с элементарными вещами для хозяйства: утюгами, мясорубками. Об этом писали также «Известия» и «Крокодил» [20. Л. 157]. В контексте размышлений любопытно наблюдение гражданина А.А. Полякова из Сызрани, полученное в 1973 г. политическим обозревателем газеты «Правда» Ю. Жуковым. Автор письма рассуждал: «Сейчас все реже слышишь слово “купил”, – оно не модно. Сейчас в моде слово “достал”. И, в самом деле, – холодильник “достал”, утюг и мясорубку “достал”, селедку к празднику “достал”, курицу или утку “достал”. А чтобы “достать”, нужно дать кому-то на бутылку» [20. Л. 157]. На наш взгляд, это весьма верное замечание, характеризующее реалии повседневности 1970-х гг.

Многие жители сел Липецкой, Волгоградской, Ростовской, Хмельницкой, Харьковской, Карагандинской, Гомельской, Запорожской, Курской областей, в середине 1970-х гг. рассказывали в письмах в «Советскую торговлю» о припрятывании и отсутствии в продаже определенных видов товаров в магазинах местных сельпо [21. Л. 61–69]. В городской среде формировались аналогичные проблемы. Е. Мишина из г. Усть-Лабинск Краснодарского края сообщала в 1975 г. в «Сельскую жизнь», что «в предыдущие годы мы имели в магазинах молоко, мясо, сметану, масло, творог. А теперь вот уже четвертый год у нас нет сливочного масла. До 1975 г. было молоко жирностью 3,2 процента, а в этом году вот уже несколько месяцев молоко продают жирностью 2,5. Сметана и творог у нас – редкие гости, а масла мы уже начинаем забывать вкус» [21. Л. 139]. В. Блохин из г. Вязники Владимирской области высказывался об отсутствии в продаже сахара и задавался вопросом об отключении города от снабжения [21. Л. 144]. «У нас в Карелии, в частности в городе Сегеже, нет ни лука, ни чеснока. Неужели это такой дефицитный продукт питания, что отделы снабжения определенных ведомств не могут обеспечить им северные районы страны?», – возмущался читатель «Сельской жизни» В. Карпов [21. Л. 145–146]. Инвалид Великой Отечественной войны из г. Ужур Красноярского края А. Зайцев спрашивал: «Прошу дать мне разъяснение, почему нет в продаже в магазинах полушубков? Я не понимаю, в чем дело.

Будто бы у нас в Советском Союзе это все есть, а вот что-то мешает. Под Сталинградом был ранен, в госпиталь увезли в полушубке, с тех пор я больше полушубка не носил» [21. Л. 146].

Жители деревень массово сигнализировали о случаях отсутствия товаров, закрытия магазинов и связанных с этим жизненных трудностях и реалиях времени. «Я проживаю в поселке Агинском Бурятского национального округа. Население питается одними макаронами и крупой. Картофеля в продаже не бывает. Овощные консервы на прилавках отсутствуют, есть повидло и джем выпуска 1967 г.», – писал в 1970 г. читатель «Советской торговли» А. Огурцов [18. Л. 27]. Колхозники села Мальчовец Барского района Винницкой области в письме за 1975 г. искали поддержки у редакции «Сельской жизни». «Подскажите, как нам быть? Уже более трех месяцев промышленный магазин Мытковского сельпо на замке. Приходится бросать нужную работу и ехать иногда просто по мелочам в райцентр, потому что у нас нет возможности на месте приобрести товары повседневного спроса. Обидно: пай мы платили, а на 60 тыс. руб. материальных ценностей в магазине гниет. И в продмаге дела не лучше. Там продавец есть, но в магазине ничего нет. Нет холодильной камеры. По большим праздникам привозят крупу и то дают с нагрузкой порченных продуктов (старый маргарин, гнилую селедку). К бутылке уксуса обязательно вручат лотерейный билет. К магазину подойти нельзя, особенно зимой в дождливую погоду» [21. Л. 140].

К. Смирнова из села Летешовка Тутаевского района Ярославской области в 1975 г. информировала газету: «У нас в селе нет магазина и за продуктами приходится ходить в соседний район. Со своей просьбой наладить к нам доставку товаров первой необходимости мы дошли до Центросоюза. Правда, после этого приехал на «Волге» председатель облпотребсоюза товарищ Нешитой. Обещал – будет ходить автолавка. Поверили. Прошел уже не один месяц, а мы все смотрим на дорогу, идущую из райцентра, не покажется ли там автолавка» [21. Л. 142]. З. Петрова из Вышневолоцкого района Калининской области в 1975 г. оповещала газету об отсутствии в деревне продавца и закрытии магазина в течение года. После того как продавца так и не нашли, «приехали из райпо, сломали магазин и увезли. Выходит, что магазин в другом месте нужен, а здесь нет. Просим, помогите нам!» [21. Л. 141]. И. Тютюшин, Н. Петрова, Е. Егорова и др. из деревни Званка Островского района Псковской области извещали, что в 1975 г. в их деревне не было ни магазина, ни ларька. «Совершенно негде купить ни хлеба, ни соли, ни спичек, ни сахара, не говоря уж ни о чем другом. За хлебом приходится ходить на центральную усадьбу совхоза «Гривский» за 6–7 километров и тащить его на себе. А сколько хлеба мы, престарелые можем донести? Когда приходишь в этот магазин, то слышишь: вы не наши и на вас хлеба нам не выделяют. Убедительно просим помочь нам, чтобы в нашу деревню хотя бы раз в неделю приезжала автолавка с хлебом, солью, сахаром» [21. Л. 141–142]. П. Гатауллин – житель села Кидыш Уйского района Челябинской области телеграфировал в 1975 г. в газе-

ту: «Я живу в Челябинской области в совхозе Южный Урал. У нас очень плохо стало насчет хлеба. Его привозят мало и дают всего по две булки. Люди страдают. У кого есть личный транспорт, то ездят по соседним районам и селам. В магазине не стало и муки, а то можно было бы стряпать свой хлеб. Дорогая редакция, может, вы сможете помочь нам в нашем положении. Ведь не только моя семья мучается, а все село» [21. Л. 143]. В том же году Ф. Шипов, И. Вавилов, А. Кимов из села Куйтун Куйтунского района Иркутской области просили редакцию «Сельской жизни»: «Просим вас, посодействуйте через вашу газету на торговые организации, чтобы виноград и другие фрукты были не только в газете, но и на прилавке магазинов. Наши райсоюзы план торговли выполняют лишь водочными и спиртными напитками» [21. Л. 144]. Безрукова, Люшина и др. из села Подстепное Энгельского района Саратовской области осведомляли в 1975 г. редакцию: «В нашем совхозе в прошлом году открылся новый магазин. Мы ждали, что в нем прибавится и товаров, но оказалось все наоборот. Мы проживаем в своем совхозе более 20 лет, но ни разу не видели, чтобы кто-нибудь достал в своем магазине хороший ковер или какой-нибудь сервиз. Не видели мы также хороших модных платьев и обуви, ни мужской, ни женской, ни детской. Нет простых чулок, ни колготок для детей. Что характерно: у нас уже несколько месяцев нет совсем мыла, нет порошка. Неужели этих товаров и этих предметов обихода не выделялось в колхозы и совхозы? Ведь в совхозе работают также граждане Советского Союза» [21. Л. 145].

Таким образом, мы видим, что СМИ рассматривались читателями не только как трибуна огласки нелицеприятных фактов повседневной жизни, но также как действенные источники помощи в насущных неразрешимых местной властью вопросах социально-экономической жизни. Очень часто покупатели описывали факты выборочной продажи товаров, несанкционированного установления цен, работы магазинов по расписанию, установленному продавцом. Например, колхозники села Крутой Берег Никопольского района Днепропетровской области сообщали: «У нас в магазине работает продавец Г. Вишеренко. Хочет откроет, хочет дома будет целыми днями. А если привезет, то со своими родственниками отберет, что получше, а остальной товар выкладывает на прилавок, что никому не нужно. Привезет платки шерстяные, то своим родственникам, то кумам да сестрам раздаст, а мы все покупаем на базаре по 25 руб. один платок, когда в магазине можно взять по 5 руб. а частенько и такое бывает, что отдаст сестре в город, а та продаст там по 25 руб., и ей есть доход. Разные платья красивые, кофты, платки, покрывала – все хорошее идет на сторону. Делает наценки на продукты. Консервы и разные крупы у нас дороже, чем в других магазинах, сахар, конфеты – тоже. Хлеб возит один раз в день, колбасу и рыбу – раз в месяц. Отвратительно работает. Помогите нам, чтобы у нас была другая продавщица» [21. Л. 147]. Обсчет, обмер, обвешивание вошли в обычай у продавца магазина В.Н. Гнидкина, как сообщали работники колхоза «Ленинская Искра» Красногвардейского района Белго-

родской области: «Продавец без всякой совести заявлял: “Не мое к вам должно переходить, а ваше ко мне”. Хотел председатель колхоза И.И. Горбов призвать к порядку, но отказался. Видимо, ему одному это не под силу» [21. Л. 148].

Напряженность ситуации не снизилась и в 1980-е гг., даже после ноябрьского Пленума ЦК КПСС и речи Л.И. Брежнева о непростительности допуска перебоев в торговле жизненно необходимыми товарами. «До сих пор ни в одном магазине города свободно не купишь мясо, рыбу, мыло, электрические лампочки, полотенца, наволочки, обои», – осведомлял «Правду» в 1980 г. читатель К.А. Головин из г. Пермь [22. Л. 2]. Об очередях и плохом снабжении мясными продуктами, сливочным маслом, творогом, молоком, сметаной, рыбой, овощами, макаронами, крупами, хлебом в 1980 г. писали покупатели из Москвы, Перми, Брянска, Куйбышева, Владимира, Красноярска, Астрахани, Иваново, Владивостока, Рязанской, Псковской, Тюменской, Свердловской, Ворошиловградской областей, Краснодарского края и т.д. [22. Л. 3–8; 20–25]. О продаже из-под прилавка и распределении дефицитных хлопчатобумажных тканей, шапок, зубной пасты родственникам и знакомым приходили уведомления из Николаевской области, г. Нальчика, Донецка, Краснодара, Москвы, Запорожья [22. Л. 13–17]. В спектр наблюдений населения попало так называемое явление искусственного дефицита. Читатели отмечали, что в стране производилось достаточное количество товаров, базы и магазины получали необходимый ассортимент изделий, но в продажу они попадали не всегда. При этом на рынках появлялись товары с магазинными этикетками. В письмах ставился вопрос о необходимости введения более твердого контроля и привлечения к ответственности виновных [22. Л. 11]. «Швейные и стиральные машины прямо со складов завозятся по нужным адресам. На моих глазах заведующая магазином Редчич отобрала себе четыре пары импортных сапожек разных размеров. И так с каждым товаром. Контроля никакого, все слажено, и никто ничего не боится», – возмущалась жительница поселка Чернухино Перевальского района Ворошиловградской области Е.П. Севрюкова в письме в «Правду» в 1980 г. [22. Л. 12] «Дельцы от прилавка упорно не хотят расставаться с дефицитом – мыло в наших магазинах до сих пор не появилось. У жителей города создается впечатление, что авторитет советской власти специально подрывается», – констатировал в том же году В. Духовский из г. Новороссийска [22. Л. 12]. Работники универсама Октябрьского промторга г. Москвы писали о сложившейся к 1980 г. системе торговли: «Ее суть состоит в том, что большинство ходовых товаров на прилавки не поступает. Директор А.П. Зайцев все забирает и после перепродажи вносит деньги в кассу. Так было с партиями английского мохера, комплектами арабского белья, обувью, хлопчатобумажными тканями. “Свой товар” по спекулятивным ценам он отпускает знакомым и целой армии перекупщиков. Так поступают не только в нашем универсаме» [22. Л. 17–18]. Во многих письмах читатели газеты сетовали на растраты продуктов по программам международной помощи:

«Невольно задумываешься: надо ли нам так щедро делиться с другими, коли у самих такие продовольственные трудности? Помогаем Лаосу, Вьетнаму, Афганистану... Не обернется ли наша щедрость горькой пилюлей? Кормили уже Китай, Египет, Албанию, Алжир. Что из этого получилось – сами знаете», – отмечал Н.Ф. Кривошеев в письме в «Правду» в 1980 г. из г. Первомайска Ворошиловградской области [22. Л. 6].

Безусловно, сложившаяся обстановка не могла не волновать государственную власть. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 30 декабря 1980 г. «О некоторых мерах по улучшению организации торговли», министерства и ведомства СССР, местные партийные, советские и хозяйственные органы осуществляли дополнительные меры по увеличению товарных ресурсов, более рациональному их использованию. Одновременно был подготовлен проект постановления Правительства по развитию производства товаров массового спроса в 1981–1985 гг. [22. Л. 26–27]. На проект «Основные направления развития народного хозяйства на 1981–1985 годы и на период 1990 года» в ЦК КПСС приходили письма-отклики. Инженер А.В. Дорожкин отметил, что «наблюдал парадоксальное явление: с одной стороны – очереди, с другой – массовое производство товаров, не находящихся сбыта. Предприятия работали вхолостую. Часто товары, пользующиеся повышенным спросом у населения, являлись “невыгодными” для предприятия. Обеспечивались не потребности населения, а выполнение плана. Предприятия оказываются оторванными от покупателя. Существующая система плановых показателей для этого не годится» [23. Л. 38–39]. Рассуждения покупателя сводились к тому, что подвижки в сложившейся ситуации будут видны, если производство будет заинтересовано в сбыте своей продукции. Из поселка Пески Коломенского района Московской области пришло следующее предложение: «Розничную торговлю повсеместно перевести с принципа весового на принцип стоимостный. По деревенскому принципу: “Свешай мне крупы на рубль”. Переход на стоимостный принцип высвобождает огромную армию торговых работников, существенно облегчит их труд и, что самое главное, – облегчит участь стоящих по очередям граждан, не говоря уже о перспективах для применения автоматики» [23. Л. 26]. Таким образом, население относилось не безучастно к наболевшим проблемам, пыталось нащупать и изложить рекомендации к устранению сбоев в оснащении магазинов необходимыми продуктами и товарами пользования.

В Центральный комитет партии в 1968 г. поступали жалобы трудящихся на низкое качество товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. Авторы отмечали, что новая экономическая реформа повысила заинтересованность предприятий в выпуске доброкачественных изделий, однако высказывали нарекания в связи с трудностями гарантийного ремонта купленных предметов бытовой техники, ставили вопросы повышения качества изделий. Покупатели из Одессы, Москвы, Таллина, Челябинска, Киева, Чебоксар, Ростова-на-Дону, Молдавской ССР, Криворожья, Днепропетровской, Крымской областей

жаловались на качество обуви на кожаной подошве, магнитофонов марки «Весна-2», телевизоров «Огонек», «Старт-4», «Темп-6м», «Восход», «Рубин-106», телеприемников «Электрон», радиол «Симфония», «Минск», холодильников «Ока-3», «Памир», «Ярна», автомобилей «Москвич-408», «Москвич-412», «Запорожец», часов «Весна» и т.д. [17. Л. 89–95]. Значительную часть редакционной почты газеты «Советская торговля» также составляли письма о качестве товаров народного потребления. К примеру, в мае 1970 г. трудящиеся Москвы, Донецкой, Архангельской, Смоленской областей сообщали о низком качестве таких промышленных товаров, как обувь, стиральные машины и холодильники. В корреспонденции акцентируется внимание на корыстном умысле продавцов. Так, в письме из Харьковской области за 1970 г. читаем: «Я купила в магазине № 25 стиральную машину. Продавец повела нас в подвал и сказала: “Берите вот эту”. Доставили домой, включили. Машина загудела, а активатор не вращался. Повезли ее обратно в магазин. Продавец ни в какую не хотела принимать. Говорила, что я машину продала и все, а работает она или нет – это не ее дело» [18. Л. 31].

В июне 1970 г. редакция «Советской торговли» получила читательские письма из г. Саратова, Костромы, Иваново, Челябинской, Пермской, областей, Туркменской ССР с жалобами на низкое качество холодильников, магнитофонов, транзисторных приемников, радиол, швейных машин, детских игрушек, часов, чулочно-носочных изделий и др. [18. Л. 103–105]. В письмах в «Правду» за 1973 г. граждане вновь сообщали о низком качестве обуви и одежды [20. Л. 154, 157–158]. В большинстве писем за 1975 г. из Чебоксар, Находки, Грозного, Запорожья, Донбасса, Алтайского, Красноярского краев, Ворошиловградской, Житомирской, Калужской, Тамбовской, Ивановской, Смоленской, Черниговской, Волгоградской, Крымской, Брянской областей, вновь говорилось о плохом качестве бытовых приборов, таких как холодильники, магнитофоны, телевизоры, радиотовары и др. изделия сложного ассортимента, а также обуви и одежды. По письмам готовились материалы для выпуска номеров газеты. Уведомления граждан также направлялись в соответствующие министерства и ведомства, предприятия бытового обслуживания [21. Л. 194–203].

Итак, зафиксированные в письмах свидетельства говорят о повсеместных перебоях в снабжении городских и сельских территорий товарами первостепенной важности, в том числе продуктами питания, хозяйственными товарами и изделиями культурно-бытового назначения [21. Л. 187–192]. Особенно сильно страдала деревня. Работники магазинов нарушали трудовую дисциплину, устанавливали свои порядки, отпускали товар так, как было выгодно. Дефицитные товары практически не доходили до рядовых граждан, колхозников, пенсионеров и членов их семей. Читатели искали поддержки у газеты. В ряде случаев она им помогала. ЦК КПСС информировался, а сельскохозяйственный отдел, как правило, непосредственно знакомился с обзором писем [21. Л. 185]. Правлением Роспотребсоюза проводились проверки с

выездом на места ответственных работников потребительских и кооперативных организаций. Как сообщалось в справке от 16 декабря 1975 г., подписанной заместителем председателя Правления В.Т. Богомазова, направленной в отдел торговли и бытового обслуживания ЦК КПСС, были приняты меры к открытию магазинов, устранению случаев нарушений правил и допущенных перебоев. Виновные лица были строго наказаны [21. Л. 150–152, 153–164].

В начале 1970-х гг. производился переход на прогрессивный метод торговли – самообслуживание. Об успешном его применении в «Советскую торговлю» в 1970 г. приходили письма из Украины, Белоруссии, Казахстана. Но наряду с положительными материалами направлялось немало и критических замечаний как от покупателей, так и от самих торговых работников. Например, в письме продавцов Очаковского кооперативного универмага Одесской области значилось: «В феврале наш отдел галантереи и парфюмерии перевели на самообслуживание. Через два месяца у нас оказалась недостача 1 590 руб. 270 руб. списали на забывчивость покупателя, а остальную сумму отнесли на нас. В июне снова недостача – 609 руб. Теперь подбирают новую бригаду» [18. Л. 100]. Подобных писем множество, что свидетельствует о непродуманности мероприятий, плохой предварительной подготовке ряда торговых точек к внедрению самообслуживания, а также отсутствия механизма учета материальных ценностей [18. Л. 171–172].

Серьезной проблемой 1960–1980-х гг. являлись вопросы отсутствия кадров, ненадлежащей работы продавцов. К примеру, в справке бюро ЦК КПСС по РСФСР «О партийно-политической работе на предприятиях торговли и общественного питания Пензенской области» за 1960 г. отмечалось, что культура обслуживания населения в торговых предприятиях очень низкая, а в большинстве торговых предприятий нарушались правила торговли, были выявлены злоупотребления, в том числе: 770 случаев обсчета, обвеса и обмера покупателей; 432 случая завышения цен и продажи дефицитных товаров из под прилавка. В документе отмечалось, что большой материальный ущерб торговым предприятиям наносили преступные элементы. Так, за 4 года ими было расхищено имущества на сумму 9,2 млн руб. (из них 6,5 млн – растраты работников и 2,8 млн – кражи) [24. Л. 25–26].

Вопрос о грубости и хамстве торговых работников также остро ставился на повестку дня. Так, в коллективном письме работников ОРСа треста «Щекингазстрой» в Тульский обком КПСС от 1974 г. указано, что «В.И. Лазарев за время своей работы не нашел никакого контакта ни с работниками торговой сети, ни с работниками автотранспорта, ни с аппаратом... Откровенно груб со своими подчиненными» [16. Л. 8]. В редакционной почте газеты «Советская торговля» за 1975 г. имелись письма с жалобами на недостойное поведение продавцов и недостатки в организации торговли: грязь в магазинах, несоблюдение формы одежды, обвес, обсчет покупателей. Так, гражданка Хуторецкая рассказывала о конфликте в магазине № 44 Одесхозторга, предоставлении ей книги жалоб без печати. Жительница г. Никольского (Ка-

захская ССР), отдыхая в Белоруссии в г. Калинковичи, осталась недовольной работой магазина № 5, в котором, по ее сведениям, работники шли на аферы: «Продавец вынула черпак из кастрюли со сметаной, ушла в подсобку и принесла сметану. Выходит на прилавке стоит разбавленная сметана» [21. Л. 111–112]. «2-го августа в магазине № 55 стояла очередь за картофелем. Картофель был очень мелкий, а со служебного хода какие-то люди несли крупные, отборные клубни. Мы спросили продавца, почему со двора выносят картофель отборный. Продавец ответила, что это не наше дело. Тогда несколько человек пошли посмотреть, что творится во дворе магазина и увидели, как из кучи картофеля какие-то люди отбирают себе лучший. Мы были возмущены. Но работники магазина бросили в ответ: “У себя на работе вы еще не так воруете”. Потом нам разъяснили, что это продавцы торга и, что они имеют право брать товар вне очереди», – писали жители г. Стрый Львовской области В. Олейник, Г. Шибка, Б. Новаловская [21. Л. 112–113]. Экипаж Горьковского ОАО самолета ТУ-134 – командир корабля В. Горбачев, пилот В. Ярмошук, бортпроводницы Васильева и Жукова с возмущением писали о грубости продавцов магазина № 33 Симферопольского горплодоовощкомбината. «Стояли в очереди, но продавец отпускала товар своим знакомым. Когда ей сделали замечание, она повела себя бестактно, заявив: “Кого хочу, того и обслуживаю”. Второй продавец грубо выталкивала летчиков из магазина и замахнулась веником на бортпроводницу. Книгу жалоб, конечно, не дали. Дорогая редакция, таким продавцам не место в советской торговле!», – заключал пилот В. Ярмошук [21. Л. 114]. Покупательница Ларинкова из Липецка также свидетельствовала, что в магазине № 100 «Прогресс» царили грубость, обвес, обсчет. «Молоко, сметану, творог никогда не купишь неразведенными. За сметаной ходят в подсобку с ведерком. Молоко всегда синее, творог жидкий. На замечания о товаре отвечают: “Не нравится, не берите”» [21. Л. 114]. Немало писем, направленных в «Советскую торговлю», содержали сведения о плохом обслуживании в местах отдыха, на железнодорожных вокзалах, в вагонах-ресторанах [21. Л. 113].

Таким образом, грубость обыкновенно была распространена там, где нарушались правила советской торговли. Недостатки в организации торговли, ее техническом оснащении признавались руководством страны и в первую очередь ввиду слабого развития торговой сети на селе. Газеты ежегодно фиксировали число писем, затрагивающих тему злоупотреблений, растрат и хищений. Так, в декабре 1974 г. по данной проблеме в «Советскую торговлю» поступило 43 письма [21. Л. 16], в январе 1975 г. – 70 [21. Л. 23], в апреле 1975 г. – 62 [21. Л. 60], в ноябре 1975 г. – 55 [21. Л. 193].

Продавцы сельской торговли также не уступали в грубости, как уже отмечалось, закрывали и открывали магазины по собственному желанию (нарушали нормы рабочего времени), обслуживали покупателей по выбору. «У нас в магазине деревни Братское нет никакого порядка: грязно, ругань. Это ругается продавец Анна Петрова. Водку пьяницам она отпускала в лю-

бое время. Не случайно наш колхоз занял последнее место по уборке урожая. Некогда механизаторам работать. Анна дает им водку в долг. Жаловались в сельсовет, в райисполком. Все остается по-старому», – писали рабочие колхоза «Восход» Краснохолмского района Калининской области [21. Л. 115]. В следующем письме говорится о фактах, схожих с вышеуказанными: «Живем мы в селе Пятихатки Великоалександровского района Херсонской области. Есть у нас магазин смешанных товаров, которым заведует грубиянка А. Букач. Неудобным ей покупателям она может совсем не дать товара. Например, доярке Лавренюк дала 1 кг сахара, а Коваленко, Метейчук, Тимошенко купили по целому мешку. В магазин пускает по 2 человека, остальные стоят во дворе. А насчет обчетов, обвешивания – тут она тоже мастер» [21. Л. 115].

Присылаемые в редакцию «Советской торговли» письма направлялись в областные управления торговли, облпотребсоюзы. Данная мера не всегда давала положительные результаты. Отдельные письма становились источниками написания разоблачительных статей. Так, о низкой культуре обслуживания в Москве газета писала в статье «За грубость – к ответу» (17 июня 1975 г.). В частности, был приведен факт хамства в магазине № 40 Куйбышевского райпищеторга столицы. Впоследствии директор торгова М. Байгельман сообщал редакции, что статья обсуждалась в партийно-хозяйственном активе организации, были объявлены соответствующие выговоры. Однако не успела редакция получить ответ руководителя, как пришло письмо от москвички Р. Агафоновой, которую оскорбили в магазине № 45 этого же торгова. Газета выступила еще раз (26 августа 1975 г.), чтобы подчеркнуть, что принятые меры оказались неэффективны. Тем не менее в последующий период пришло еще несколько писем о грубости работников столичной торговли и среди них значились новые жалобы на работников магазинов № 9, 37, 45 Куйбышевского торгова [21. Л. 116–117].

Примечательны письма читателей «Сельской жизни», в которых обобщались вопросы низкой культуры обслуживания, перебои в снабжении, развивающиеся спекулятивные операции. Читатель В. Пябус из поселка Колхозабад Таджикской ССР свидетельствовал о производящихся махинациях в продаже продуктов на местном рынке в 1975 г.: «К примеру, привез колхозник мешок картошки (60 кг) и просит за них 12 руб. Ему предлагают 10 руб., заметив недовольный вид хозяина мешка, по-базарному бьют по рукам, добавляют 2–3 руб. и забирают все, тут же начинают продавать по 50–80 коп. за килограмм. В результате такой “операции” первоначальный хозяин доволен, быстро продает, а перекупщик с трудового населения кладет в собственный карман 17–35 руб. о таких махинациях пробовали говорить базарному, на что он отвечал: “Он же не ворует, а покупает, а лишнее продает”. Полной свободой установления цен на базарах и рынках пользовались всякие дельцы-перекупщики и прочие заправилы базаров. А сколько испорченных овощей и фруктов из-за этого ежедневно вывозится с территории базаров и рынков на свалку? И почему бы

местной власти не установить нормальные цены, доступные всем, и эти же продукты, пока не испортились, продать населению? Получается какая-то капиталистическая политика в этом отношении. Пусть сгниет, лучше выбросить, но цены не снижать. Знаю о том, что цены на базарах и рынках законом не устанавливаются, т.к. колхозник продает излишки продуктов, плюс к тому установление цен якобы мешает завозу продуктов на базар и рынок. Это же просто спекулянтская агитация. Поэтому надо подумать о базарно-рыночном положении и вынести какое-то решение об установлении цен на рынках и базарах. Простой народ скажет на такое решение большое спасибо. Плюс к тому такое решение ударит по всевозможным перекупщикам и снизит возрастание спекуляции. При общих больших достижениях не надо закрывать глаза на такие «мелочи» и освободить базарного и рыночного покупателя от спекулянтов» [21. Л. 138–139].

Различного рода перепродажи товаров порождали вопросы имущественного характера. Велико количество писем, в которых говорилось о не порядках в сохранности товарно-материальных ценностей [15. С. 385–386], что указывает на недостаточное внимание многих торговых предприятий к столь важному вопросу. В свою очередь данный факт создавал благоприятные условия для злоупотреблений и трудовых конфликтов. Нарушались условия работы в особенности для молодых специалистов. Ввиду малоопытности многие молодые сотрудники подвергались увольнению, административному и уголовному наказанию. Приведем пример письма, поступившего в «Советскую торговлю» в 1975 г. «Я работала младшим продавцом в магазине № 24 “Гастроном” Павловского смешторга. Мне 17 лет, окончила Воронежское торговое училище. В магазине меня поставили в хлебный отдел на подотчет. Получала изделия по накладной, выручку давала в кассу, а кассир выбивала мне денежный чек. С денежным чеком и накладной я ежедневно отчитывалась перед завмагом А.И. Бобраковой. Я проработала в магазине два с половиной месяца. Потом прошла ревизия во всем магазине и оказалась недостача в 3 тысячи 900 рублей. Недостачу разделили на всех. Мне сказали, что я должна заплатить 88 рублей 71 копейку. Я отказалась. Старший бухгалтер и директор торгова сказали: “Вы расписались в коллективном договоре и будете платить”. При такой большой недостаче А.И. Бобракову перевели работать в 10-й магазин. Имеет она право работать в торговле после этого? Меня направили в магазин № 17. Коллектив встретил меня хорошо, но я совсем разочаровалась в торговле», – писала Т. Болгова из Воронежской области [21. Л. 54–55].

В этом и многих других подобных письмах отмечались эпизоды принуждения продавцов в погашении недостач, сокрытия причин их возникновения либо сбора так называемых залоговых денег для погашения последующего возможного дефицита бюджета организации. В ряде писем за 1975 г. в «Советскую торговлю» сообщалось, что руководители предприятий, отделов не только подавали плохой пример в обслуживании покупателей, но и злоупотребляли своим

положением, например приписывали не поступающий в продажу товар, а затем высчитывали деньги из заработной платы. Продавцы извещали СМИ, что никто из руководящих лиц не желал проводить контроль, вникать в причины складывающегося положения. Наконец, много поступало жалоб на нарушение принципов подбора кадров. В частности, прием на работу часто совершался на основе приятельских отношений, специалисты оставались не у дел [21. Л. 54–59, 87–96].

Озабоченность населения вызывала организация рыночной торговли, где процветала деятельность перекупщиков. Еще одной важной проблемой считалось установление наценок на продукты в сельских магазинах, обсчет, обмер, обвешивание, отпуск товаров в долг. Данная проблематика с особой злободневностью актуализирована в неопубликованных письмах в газету «Сельская жизнь» за 1975 г. [21. Л. 136–139, 147–148].

Весьма остро поднимались в письмах вопросы заработной платы и рабочих условий для работников торговли. Приведем примеры типичных писем в «Правду». «План мне доводили до 4–5 тыс. в месяц и платили 1 руб. 60 коп. за 100 руб. выручки. В 1971 г. мне стали платить 1 руб. за 100 руб. Я обратился в райпотребсоюз с вопросом – почему снизились расценки. Мне ответили, что вам положен второй продавец. Проработал второй продавец два месяца, его сократили и сказали, что не положено. У меня расценки остались прежними. По-прежнему работаю по 8 часов и больше, без выходных, а зарабатываю всего по 60 руб. в месяц», – писал продавец из Березниковского района Минской области в 1973 г. [20. Л. 26–27]. В том же году продавцы магазина № 105 Черкасского райпо Черкасской области сообщали, что работая по 11 часов в день, разгружая и погружая машины, перенося ящики по 20–30 кг по кладовой и мешки весом в 50 кг, при этом имели отпуск в 15 дней [20. Л. 27]. В 1973 г. информировали о тяжелых условиях труда продавцы магазина поселка Чапаевка Чимкентской области: «На протяжении трех лет нам обещают создать условия, при которых мы могли бы культурно обслуживать покупателей и не мучать себя. В помещении протекает крыша. Рушатся стены, вода течет по электрическим проводам. Зимой помещения не отапливаются. Мы всей бригадой подали заявление на увольнение» [20. Л. 27–28]. Отметим, что в отдельных письмах вскрывались недостатки во взаимоотношениях между руководителями и специалистами, нарушения трудового законодательства, в том числе и отмена общих выходных дней. О подобных фактах писали в редакцию «Правды» в 1973 г. из Москвы, Куйбышева, Свердловска, Житомира, Алма-Аты, Донецка, Киева и др. [20. Л. 28–29].

Примечателен блок писем от работников торговли, в которых демонстрируется назревшая проблема распределения жилого фонда. Так, в редакцию газеты «Советская торговля» в сентябре 1970 г. пришли письма, впоследствии переданные в ЦК КПСС, содержащие анализ организации бытовых условий специалистов. Как правило, торговые организации, не имея своего жилого фонда, не могли обеспечить жильем всех нуждающихся сотрудников. Особенно

страдали молодые кадры. «Четвертый год я и 10-летняя дочка живем в одной комнате с моим бывшим мужем. У него новая семья, годовалый ребенок. Бывший муж все время пьет, устраивает скандалы и драки. Я работаю в магазине Шевченковского плодоовощторга, но в торге квартир нет. А уйти нам некуда», – писала Н. Зубченко из Киева [18. Л. 158–159]. «Окончив техникум советской торговли в 1958 г., я поступила в универмаг, жили мы у родителей мужа в старом ветхом доме. В 1965 г. муж умер. Я осталась с 3-летней дочкой. Сейчас мы по-прежнему живем у свекрови. Дом построен в 1945 г. и это не дом, а мазанка. Стены тонкие, продувает. Одна стена вот-вот обвалится. В полу щели. Печка развалилась, тепло не держится», – сообщала А. Жилвачик из Могилева [18. Л. 159]. «С 1960 г., согласно распределению института, я работаю технологом в Эчмиадзинском общепите и до сегодняшнего дня квартиры не имею. Женат, двое детей, жена работает в горкоопе. Обращался в горисполком. Говорят, обеспечить жильем должна организация, в которой я работаю, а горкооп не имеет своего жилого фонда», – информировал Т. Амбарцумян [18. Л. 160]. Продавец А.Г. Коростелева из Свердловска в 1975 г. уведомляла редакцию газеты «Советская торговля», что директор магазина № 12 Свердловского текстильшвейобувторга Н.М. Казьменных пропускала дефицитный товар через свой кабинет. Впоследствии она купила машину «Жигули» через райисполком, построила гараж рядом с заводом «Уралмаш». Однокомнатную квартиру через райисполком поменяла на двухкомнатную, а теперь ей пообещали трехкомнатную. Ничего нет удивительного, ведь кое-кто в райисполкоме принимает живейшее участие в благополучии Казьменных. К примеру, товарищ Кузьмичев – самый частый гость в кабинете директора. Писать куда-то на месте бесполезно» [18. Л. 94–95].

Тем не менее вопрос реакции государственной власти на письма граждан в органы печати все же обращает на себя внимание. Как было описано выше, источники содержат информацию об обратной связи с руководящими органами. Отдельные сообщения граждан пристально прорабатывались социально-экономическим отделом ЦК КПСС и ложились в основу предложений и проектов, рассматриваемых на съездах. Информация о поступающих в партийные органы письмах трудящихся по вопросам экономии и бережливости в народном хозяйстве была использована при подготовке проекта ЦК КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 гг.» [16. Л. 48]. Любопытно письмо от читателя А.М. Бакланова из г. Александровск (Пермская область), доставленное в журнал «Известия ЦК КПСС» в 1989 г. В нем говорится о больших вопросах жизни, проработка которых, как указано в документе, стала косвенной подготовкой к XXVIII съезду КПСС. В частности, автор рассуждал о ценообразовании и деятельности так называемых дельцов, извлекающих личную выгоду, связанную с обогащением. «Выросло в огороде, в поле, но не все доходит до потребителя. Колхозник не может продать по кооперативной цене, а горожанин со средней зарплатой едва ли захочет

купить. И у госпредприятий и у дельцов огурцы продаются по бешеной цене. Пусть гниет, но людям не достанется. Государство должно заинтересоваться деятельностью дельцов от торговли местными продуктами» [25. Л. 12].

Таким образом, в СМИ поступали большие блоки писем, в которых поднимались всеобъемлющие проблемы организации торговли в городе и, в особенности, в деревне. Авторы писем обращали внимание на то, что ряд выдвинутых на ответственные должности работников нарушали финансовую дисциплину, использовали служебное положение в корыстных целях. Злободневными вопросами являлись темы ненадлежащего руководства товарооборотом, о явлении дефицита, а также длительных перебоях в торговле разного рода товарами, в первую очередь продовольственными. Покупатели и читатели газет делились мнениями о причинах дефицита, высказывали в связи с этим разнообразные суждения и предложения. Охват корреспонденции позволяет сказать о масштабности спектра спекулятивной деятельности и широкой распространенности растрат, хищений. Особенно явно перепродажа товаров процветала на рын-

ках и базарах, откуда и брала свое начало. Постепенно данный обычай распространился на торговые точки, лавки, магазины. Параллельно в торговой сфере развивалась традиция продажи недостающих в обращении товаров родственникам, либо руководящим лицам, а также людям, занимающим высокие должности, словом всем тем, связи с кем могли пригодиться в жизни. Происходил поворот от коллективистских идеалов к частнособственнической морали, индивидуализму, коммерциализации деятельности. Кроме того, во многих читательских письмах, адресуемых редакциям газет «Сельская жизнь», «Советская торговля», «Правда», присутствовали размышления о недостатках в организации и оплаты труда в области торгового дела. В большинстве жалоб отмечались нарушения кадровой политики, режима рабочего времени. Следовательно, письма трудящихся свидетельствуют о том, что советские люди не безоговорочно поддерживали социально-экономическую политику руководящей партии и правящей элиты. Массовое недовольство вызывали вскрываемые факты процветающих теневых сторон торговой деятельности, все более вхожих в повседневную жизнь общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирсанов Р.Г. Состояние потребительского рынка в СССР (конец 1970-х – начало 1990-х гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 36–41.
2. Вольфман Г.И. Борьба со спекуляцией по советскому законодательству / Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Саратов. юрид. ин-т им. Д.И. Курского. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1964. 134 с.
3. Михайлов М.П. Уголовная ответственность за нарушение правил о валютных операциях и спекуляцию валютными ценностями по советскому уголовному праву. М. : Юрид. лит., 1964. 43 с.
4. Гладких Ю.Т. Расследование спекуляции : учеб. пособие / под ред. М.П. Хилобока. М. : МВШМ МВД СССР, 1987. 68 с.
5. Колосова В.И. Ответственность за контрабанду. Борьба аппаратов БХСС со спекуляцией контрабандными товарами : учеб. пособие. Горький : ГВШ МВД СССР, 1987. 81 с.
6. Осипенко О.В. Лукавый бизнес: [О теневой экономике]. М. : Знание, 1991. 62 с.
7. Семин Г.Р. Теневая экономика: [монография]; Акад. наук Респ. Башкортостан, Отд-ние соц. наук, Башк. акад. гос. службы и упр. при Президенте Респ. Башкортостан. Уфа : Гилем, 2005. 187 с.
8. Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика: учеб. пособие для вузов / под ред. В.Я. Кикотя, Г.М. Казиахмедова. М. : Норма, 2006. 335 с.
9. Васильев Д. Фарцовщики: как делались состояния: исповедь людей «из тени». СПб. : Невский проспект : Вектор, 2007. 188 с.
10. Гурова О. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 287 с.
11. Иванова А.С. Магазины Внешпосылторга: валютная торговля в СССР (1960–1980-е годы) // Вестник Пермского университета. 2011. № 3 (17). С. 86–93.
12. Твердюкова Е.Д. Деятельность государственной торговой инспекции по борьбе с обманом потребителя // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 3 (7). С. 56–67.
13. Клинова М.А. Спекуляция и фарцовка в СССР 1960-х – 1980-х гг.: векторы современного историографического осмысления // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. : XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г. : в 2 т. Екатеринбург : [УрФУ], 2014. Т. 1. С. 78–83.
14. Теневая экономика: [сборник / сост. Б.А. Дружинин]. М. : Экономика, 1991. 158 с.
15. Столетова А.С. Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960–1980-х годов // Научный диалог. 2019. № 12. С. 379–391. doi: 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391.
16. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 68. Д. 2178.
17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 562.
18. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 266.
19. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 68.
20. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 144.
21. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 1030.
22. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418.
23. РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 918.
24. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 74.
25. РГАНИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 176.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 октября 2020 г.

Shadow Aspects of the Organization of Soviet Trade in the Assessments of Collective Consciousness in the 1960s–1980s: Interpretation of Letters to the Central Authorities and the Media

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 153–163.

DOI: 10.17223/15617793/472/19

Anna S. Stoletova, Vologda State University (Vologda, Russian Federation); Vologda State Dairy-Farming Academy named after N. V. Vereshchagin (Vologda, Russian Federation). E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

Keywords: Soviet trade; public consciousness; speculation; scarce goods; social life; economy.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00269.

The article raises the question of the specifics of the socioeconomic development of the Soviet society in the 1960s–1980s in terms of the specifics of the organization of trade activities. The aim of this study is to identify the shadow aspects in the implementation of trade and economic practices in the Soviet state during the deep social transformations of the second half of the 20th century. Special attention is paid to the reaction of people to situations related to the growing deterioration of the population's supply of food, basic necessities, and household appliances. Observing the actions of the authorities, abuse of office, supply disruptions, production of low quality products, violations in the household arrangement of shopkeepers, lack of premises for organizing trade (especially in rural areas), Soviet citizens, hoping for justice, wrote to the newspapers *Sovetskaya Torgovlya* [Soviet Trade], *Sel'skaya zhizn'* [Rural Life], *Pravda* [Truth], and directly to the governing authorities. Based on the analysis of the database of materials of the Russian State Archive of Contemporary History, the author comes to the conclusion that the all-encompassing trend of the time was the formation of procedures for a speculative resale of goods. Their approval took place in the environment of bazaars and markets, gradually spreading to other trading enterprises. The most important problem of the time was commodity shortage and related criminal schemes, non-compliance with labor discipline, and so on. Soviet citizens showed a keen desire to make the egregious facts of reality public. Changes in people's behavioral patterns and moral appearance, the presence of special privileges for heads of the trade business, their families, and governing elites caused a persistent rejection by many. However, the attitude to things gradually changed, the desire for a comfortable life in society increased, which often led to joining the shadow models of the development of trade activities. The novelty of the study is seen in the fact that the author demonstrates the modernization of worldview characteristics, traits of consciousness, both among the corporate management, trade organizers, and among urban and rural residents. During the analyzed period, the commercialization of life manifestations gained momentum, and the formation of entrepreneurial initiatives and private-property psychology took place. The source basis of the study is archival materials from the funds of the Russian State Archive of Contemporary History. Within the framework of the problem, the application of sociocultural and systemic approaches that determine the formation of a holistic, comprehensive view of the construction of transformational, modernizing, and evolutionary processes in Soviet trade in the second half of the 20th century is convincing.

REFERENCES

1. Kirsanov, R.G. (2014) State of the consumer market in the USSR (late 1970s – early 1990s). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of BSU*. 7. pp. 36–41. (In Russian).
2. Vol'fman, G.I. (1964) *Bor'ba so spekulatsiei po sovetskomu zakonodatel'stvu* [The fight against speculation under Soviet legislation]. Saratov: Saratov State University.
3. Mikhaylov, M.P. (1964) *Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie pravil o valyutnykh operatsiyakh i spekulatsiyu valyutnymi tsennostyami po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Criminal Liability for Violation of the Rules on Currency Transactions and Speculation in Currency Values under Soviet Criminal Law]. Moscow: Yurid. lit.
4. Gladikh, Yu.T. (1987) *Rassledovanie spekulatsii* [Investigation of Speculation]. Moscow: Higher Police School of the Ministry of State Security of the USSR.
5. Kolosova, V.I. (1987) *Otvetstvennost' za kontrabandu. Bor'ba apparatov BKhSS so spekulatsiei kontrabandnymi tovarami* [Responsibility for Smuggling. The struggle of BKhSS apparatuses with the speculation of contraband goods]. Gorky: Gorky Higher School of the Ministry of State Security of the USSR.
6. Osipenko, O.V. (1991) *Lukavyy biznes: (O tenevoy ekonomike)* [Crafty Business: (About the shadow economy)]. Moscow: Znanie.
7. Semina, G.R. (2005) *Tenevaya ekonomika* [Shadow Economy]. Ufa: Gilem.
8. Latov, Yu.V. & Kovalev, S.N. (2006) *Tenevaya ekonomika* [Shadow Economy]. Moscow: Norma.
9. Vasil'ev, D. (2007) *Fartsovshchiki: kak delalis' sostoyaniya: ispoved' lyudey "iz teni"* [Fartsovshchiks: How fortunes were made: confessions of people "from the shadows"]. Saint Petersburg: Nevskiy prospekt: Vektor.
10. Gurova, O. (2008) *Sovetskoe nizhnee bel'e: mezhdru ideologiy i povsednevnost'yu* [Soviet Underwear: Between ideology and everyday life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Ivanova, A.S. (2011) Vneshposyltorg shops: hard currency trade in the USSR (1960–1980s). *Vestnik Permskogo universiteta – Perm University Herald. History*. 3 (17). pp. 86–93. (In Russian).
12. Tverdyukova, E.D. (2015) Activity of state commercial inspection in the fight with the fraud of user in the soviet trade (middle 1930s – beginning 1990s). *Petersburgskiy istoricheskiy zhurnal – Petersburg Historical Journal*. 3 (7). pp. 56–67. (In Russian). DOI: 10.51255/2311-603X-2015-00042
13. Klinova, M.A. (2014) [Speculation and farce in the USSR of the 1960s–1980s: vectors of modern historiographical understanding]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya: Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv.* [Industrial Ural. Bakunin Readings: Industrial Modernization of the Urals in the 18th–21st centuries]. Proceedings of the 12th All-Russian Conference. Vol. 1. Yekaterinburg. 4–5 December 2014. Yekaterinburg: Ural Federal State University. pp. 78–83. (In Russian).
14. Druzhinin, B.A. (ed.) (1991) *Tenevaya ekonomika* [Shadow Economy]. Moscow: Ekonomika.
15. Stoletova, A.S. (2019) Specifics of theft of state property in the RSFSR of 1960s–1980s. *Nauchnyy dialog*. 12. pp. 379–391. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391
16. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 68. File 2178.
17. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 60. File 562.
18. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 62. File 266.
19. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 77. File 68.
20. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 66. File 144.
21. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 68. File 1030.
22. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 77. File 418.
23. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 100. List 5. File 918.
24. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 34. File 74.
25. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 95. List 1. File 176.

Received: 09 October 2020